

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Марина КУДИМОВА

КЛАССИЧЕСКИЕ КОРНИ РОМАНА «ЗИНЗИВЕР»

В романе Виктора Слипечука «Зинзивер» (В. Слипечук. Собрание сочинений. Т. V. М.: Художественная литература, 2021) главный герой, молодой человек Митя Слезкин живет в переломную эпоху 90-х.

Искренний, влюбленный, тонко чувствующий, поэтичный.

Почему он может быть интересен читателю?

У Виктора Слипечука есть множество созданных им образов обаятельнейших тружеников, так называемых «простых людей», своей ошеломительной биографией буквально просившихся в литературные герои.

Но почему не они, вернее, не только они призваны приковать внимание читателя?

Литкритиков XX века на каком-то этапе их бурной деятельности остро беспокоила проблема «положительного героя». Казалось бы, в советской гиперсекулярной литературе с этим все хорошо. Кальки соцреализма безостановочно воспроизводили то Павла Власова, то Павла Корчагина, то Павлика Морозова. Бесчисленных одно-йцевых председателей колхозов, начальников цехов, физиков-ядерщиков и учителей не станем упоминать. Никто не говорит о том, что на стройках народного хозяйства или в сельской местности не было настоящих героев!

Марина Владимировна Кудимова — поэт, прозаик, эссеист, историк литературы, культуролог. Родилась в Тамбове. Начала печататься в 1969 году. Автор книг стихов: «Перечень причин» (1982), «Чуть что» (1987), «Область» (1989), «Арысь-поле» (1990), «Черед» (2011), «Целый Божий день» (2011), «Голубятня» (2013), «Душа-левша» (2014), «Держидерево» (2017) и книги прозы «Бустрофедон» (2017). Лауреат премий им. Маяковского (1982), журнала «Новый мир» (2000), Антона Дельвига (2010), «Венец» (2011), Бунинской (2012), Бориса Корнилова (2013), «Писатель XXI века» (2015), Лермонтовской (2015), Волошинская (2018).

Но критиков не устраивал ни начальник цеха, ни председатель колхоза, а уж тем более какая-нибудь неведомая Матрена или Иван Африканович. Они неустанно искали положительного героя в русской классике, не понимая или делая вид, что не понимают, очевидного обстоятельства: чем выше уровень литературного произведения, тем сложнее его оптика.

Гений Достоевского, великого знатока Евангелия, привел писателя к очевидной, казалось бы, мысли: самый совершенный человек не может приблизиться к идеалу Христа по многим причинам, главная из которых — неодолимо страстная природа человека.

«Положительный» герой в православном сознании если не невозможен, то заведомо рискован.

Мир русской классики многообразен и нелинеен. То есть сложен настолько, насколько усложнен грехом падший человек — основной объект исследования литературы. Идеалом народного сознания были и остаются юродивые, «дурачки» (идиоты) — за их беззлобие и прозорливость.

Виктор Слипечук, моделируя главного героя романа «Зинзивер» Митю Слезкина, молодого филолога и стихотворца, словно постоянно видит перед собой то Алешу, то князя Льва Николаевича, то бесшабашного Петрушу. Поэт Митя, которому, как водится в романах, отданы многие размышления автора, не случайно напоминает: «Души умерших писателей, рожденных до учения Христа, Данте поместил между адом и раем, в городе, лишенном даже намека на жизнь».

Надо сразу сказать, что роман В. Слипечука далеко и отнюдь не реалистический. Но с реализмом в художественной литературе вообще все очень непросто. А как может быть просто с фактурой, основанной на вымысле? Приблизительно реальны в литературе только социальные аллюзии. Но они не составляют и йоты того набора критериев, по которым мы оцениваем литературу, а тем более любим ее. И такой опытный беллетрист, как Слипечук, разумеется, не может этого не понимать.

Столь же справедливы и обратные утверждения. Так, давно замечено, что фэнтезийные миры братьев Стругацких основаны на их житейском опыте — например, работе брата Бориса в Пулковской обсерватории. Но от этого «Понедельник начинается в субботу» не становится реалистическим произведением. Герой романа «Зинзивер» по этому поводу автохарактеризуется так: «При всей своей материальности я по сути теоретический человек, то есть нематериальный. Только такой человек, как я, и мог жить будущим, так сказать, пребывать в несуществующей реальности».

Литература сама по себе и есть «пребывание в несуществующей реальности» — причем и автора, и читателя.

Осмотримся в ней, этой «несуществующей реальности»... Итак, «Зинзивер». Почему так назван роман?

Наверное, не все понимают, насколько важно писателю выбрать оптимальное название произведения. Например, на тернистом пути создания «Мастера и Маргариты» Булгаков перепробовал на зуб своего могучего воображения не менее десяти вариантов. И остановился гениальный мастер только на одиннадцатом номере, когда появилась в тексте любовная линия.

Название — «Зинзивер» — отсылает нас равно как к орнитологии, так и снова — к истории литературы. А конкретно — к едва ли не самому известному стихотворению Велимира Хлебникова «Кузнечик»:

Крылышкуя золотиписьмом
 Тончайших жил,
 Кузнечик в кузов пуза уложил
 Прибрежных много трав и вер.
 «Пинь, пинь, пинь!» — тарарахнул зинзивер.
 О, лебедиво!
 О, озари!

Кто такой зинзивер? Очень любопытный анализ этого стихотворения находим в работе Э. Ахадова «Зинзивер — тайна Велимира Хлебникова»: «Богатым голосовым репертуаром обладает Большая синица (лат. *Parus major*). Специалисты выделяют до 40 вариаций издаваемых ею звуков. При этом одна и та же особь одновременно способна чередовать три-пять вариантов, различных по ритму, тембру, относительной высоте звуков и количеству слогов». Большая синица по признаку звукоподражания и есть зинзивер. Роман Виктора Слипечука — о поэте. Метафора зинзивера хорошо ложится на образ Мити Слезкина, «птицы небесной».

Кузнечикам в поэтическом мире Хлебникова А. Россомехин посвятил целую монографию. Но тайна еще и в том, что кузнечик — одно из имен той же синицы. Невесомый Митя Слезкин в силу голодных обстоятельств и болезней за время повествования теряет вес. Таким образом, зинзивер в целом ряде эпизодов превращается в кузнечика, даже если не знать, что в птичьей иерархии это синонимы.

В названии романа скрыта первая литературная реминисценция. По достаточно объемному тексту их рассыпано великое множество. Вряд ли мы перечислим все — иначе рецензия превратится в диссертацию. Мы уже вспоминали героев Достоевского. Но поэт-полуночник Митя Слезкин больше похож не на князя Мышкина или Алешу Карамазова. Психологически он сплавлен, во всяком случае в прамбуле, из рассказчика «Белых ночей» и героя «Записок из подполья», если к этому герою подходить непредвзято и не с мерками советских литературоведов.

Однако первая из достоевских аллюзий, которая посещает при чтении «Зинзивера», это, конечно, роман «Подросток» — про познание нового мира юной душой.

В «Зинзивере» весьма серьезное место занимают прямые и косвенные цитаты из Священного Писания, начиная с эпиграфов, что для русского романа явление традиционно неотъемлемое.

Очень сильна тема Екклесиаста. Вот Митя размышляет о замкнутости времени: «Как бы резво ни бежал — бежишь по кругу, да и весь мир перед тобой похож более всего на замкнутый круг. Поневоле вспомнишь Екклесиаста: «Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои». Так и ты в своей круговерти. А отсюда и убеждение: мир движется не по спирали, а по кругу — вот вам и второй постулат. «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»».

И хотя прямого обращения к Кохелету более в тексте нет, суeta суeta и томление духа много раз встретится Мите и овладеет им самим, к счастью, не навсегда. А одна из главных мыслей Екклесиаста — что и блага земные не зависят от человека — станет важнейшим мотивом романа.

Волею автора Мите предстоит испытание не только бедностью и безвестностью, но и богатством и относительной славой — двумя искусствами, которые чаще всего ломают юношей и искажают их духовную сущность: «Со студенческой скамьи мечтал

я о внезапном богатстве, которое позволило бы не думать о хлебе насущном, не забивать голову унижительными мыслями о пропитании, а творить, создавать бессмертные произведения». Вот вам и Аркадий Долгорукий с его мечтой «стать Ротшильдом». Вот вам и Мандельштам, у которого «чудак Евгений — бедности стыдится».

Кохелет-проповедник будет снова и снова стилистически возникать на страницах романа: «От лучшего к худшему движется мир. Мы, ангелами рожденные, всей своей жизнью спускаемся с небес на землю и даже более того — в землю. Вот вам и последнее мое открытие, так называемый третий постулат — мир движется к своему концу». Третий постулат — это Нильс Бор: «Электрон в стационарном состоянии атома движется по круговым орбитам». Это Эвклид: «Из всякого центра всяким радиусом может быть описан круг». Наконец, это третий закон термодинамики Планка, когда при абсолютном температурном нуле полностью прекращается движение молекул. Согласно законам природы, ниже абсолютного нуля температура опуститься не может. И в то же время одно движение невидимого циркуля, завершающее очертания круга, и снова появляется депрессивный Екклезиаст с его убеждением в бессмысленности всех человеческих дел.

Мотив Екклезиаста возникает в романе совершенно естественно. Мите Слезкину, как и всей еще недавно огромной и единой стране, предстоит пережить «лихие», по мнению большинства, и «святые», по мнению удачно хапнувших значительную долю общенародного достояния, 90-е годы минувшего века. Этому и посвящен роман «Зинзивер», и его героем становится беспомощный и простодушный, как вольтеровский Кандид, поэт, которого несет «рок событий» то в одну, а то в прямо противоположную сторону и который «всем сердцем ощутил корыстную низость смутного времени, точнее, всех смутных времен».

И тень набоковского «Приглашения на казнь» здесь тоже более чем органична. Антиутопия? Но если вернуться к проблеме реализма, более реалистичной, вербальной книги вообразить невозможно! И эта плохо прочитанная книга абсолютно рифмуется с «Зинзивером», написанным лет 70 спустя: «Существует ли вообще, может ли существовать в этом мире хоть какое-нибудь обеспечение, хоть в чем-нибудь порука, — или даже самая идея гарантии неизвестна тут?»

Обеспечение — насущная цель любящего молодого мужа. Образ небесной и земной любви Мити, Розочки, безусловно оригинален. Но так и хочется снабдить его табличкой: «Все совпадения не случайны и глубоко продуманы!» Розочка — гремучая смесь Марфиньки, булгаковско-гётевской Маргариты и героини бунинского «Чистого понедельника». Это, собственно, едва ли не исчерпывает женские типажи.

Но Розочка, вынужденная наркоманка, вдобавок живет в 90-е, что добавляет ей черты времени безумного, совершенно иррационального и при этом каким-то чудом не затрагивающего базовых интимных черт женского характера.

А что же Митина миссия — поэзия?

Неизбежный вопрос спойлеру: ладно, допустим, Митя исполнил мечту — разбогател. Это мы поняли. Но поэт-то он какой? Гений или графоман? Ответ на этот вопрос, скажем так, не явен.

Во-первых, Митя Слезкин очень молод и только пробует перо.

Во-вторых, его вирши стали, что называется, культовыми среди прощелыг и скорохватов, волею судеб окружающих его. Вчерашних маргиналов (и завтрашних, ес-

ли, конечно, выживут в баталиях «лихих» и «святых»). Митя и сам себя иронически называет поэтом «всех угнетенных челночников и киоскеров».

Призвание Мити материализуется на фоне разрушения всего и вся, а культуры — в первую голову. Критерии сметены, новые, постпостмодернистские и либерально-бесформенные, только проклевываются. Какою мерой мерить стихи в такой ситуации? Что такое хорошо и что такое плохо в условиях полного замещения классических понятий?

Сам Митя выбрал позицию неуязвимую, хотя ему, конечно, свойственны и сомнения, и колебания: «писать и верить — это основной принцип писателя».

Наконец, в-третьих, а на самом деле в главных, — личность Мити многоуровневая, так сказать, неустаканенная. Он и несчастный лох, и немислимый везун. Он и начинающий Поэт, и Звездочет, владеющий (или думающий, что владеет) тайным знанием. Он — и некто третий, которому предстоит либо слить все свои ипостаси в личностное монолитное единство «на пьедестале общего „я“, либо рассеяться, «яко исчезает дым»: «Тем не менее именно Я, некто третий, жаждал не только примирения звездочета и поэта Мити Слезкина, но и их слияния. Да-да, слияния в единое общее „я“, в результате которого Я, некто третий, рассеялся бы и исчез, как дым, как дурной сон, то есть уступил бы свое место новому Мите Слезкину, обогащенному опытом звездочета...»

За этими рассуждениями просматривается трехсложная формула Набокова: «невозвратность прошлого, ненасытность настоящего и непредсказуемость будущего». И хотя Звездочет явно надеется это будущее предсказать, трудно поверить, что ему это удастся в полной мере.

«Корыстная низость» меж тем постепенно захватывает Митю своими щупальцами. Нельзя сказать, что он отчаянно сопротивляется: желание разбогатеть, дабы беспрепятственно «устремляться к недостижимому», никуда не делось.

Вот только неясно, как Митя представляет себе «достижимое»? Как некий мимолетный процесс, не затрагивающий основ его души и бытия? Откуда же тогда появилось ощущение, что «второстепенные, косвенные люди настолько плотно овладевали ситуацией, что мы с Розочкой почти всегда превращались в их руках в обыкновенную разменную монету»?

А ведь Розочка почти в начале романа, ознакомившись с биографиями Рембо и Верлена, высказала своему мужу: «Я хочу, Митя, чтобы ты объединял в себе и поэта, и рыцаря, и еще... Да-да — спонсора-золотодобытчика! Лучше умереть с кожаным поясом с золотом, чем без портков под забором».

«Без портков» Митя не остался, а вот в одних кальсонах — пришлось.

Дотошные булгаковеды неоднократно фиксировались на важности темы нижнего белья у их подопечного. И действительно: поэт Понырев по кличке Бездомный появляется в писательском ресторане неглиже, а именно в белых кальсонах. «Ты видел, что он в подштанниках?» — допрашивает Арчибальд Арчибальдович швейцара после столь необыкновенного происшествия. Фраза Аннушки: «Куда ж тебя черт несет в одних подштанниках?» — не менее известна, чем пролитое ею масло. Митины финские кальсоны, в которые он запрятал доллары, предназначенные Розочке, лишь один из многих булгаковских мотивов в «Зинзивере».

С тех пор как Митя занялся продажей своих произведений, из-под его пера, по собственному признанию, выходит «галиматья». Что ж! «Не продается вдохновенье...» Митя постепенно с ужасом понимает, что «на корню куплен. Какая уж тут независимость?!» Снова и снова он повторяет, что, как поэт более всего признан не просто

в криминальной среде, а... среди теневой номенклатуры, а это для денег самая надежная страховка уже потому хотя бы, что ходить против признанных поэтов там много опасней, чем здесь, хотя официальные критики тоже хорошие головорезы».

С последними утверждениями трудно не согласиться.

Но у Митиной дороги новый поворот.

«Я остался один на необитаемой планете...» Обретя богатство, условное и зыбкое, как всякое богатство, Митя волею судьбы потерял любимую Розочку.

Что осталось «чудаку Евгению», то бишь нашему Дмитрию? Ничего, кроме матери и родины — Богом забытой алтайской деревни Черемшанка. Туда Митя и подался.

Если уж мы начали с реализма, автор им неожиданно и заканчивает роман: «Летняя кухня, собранная из каких-то немыслимых кусков фанеры и вагонной рейки. Забор из жердин, разделяющий внутренний дворик. Во всем ощущалась крайняя бедность».

Но дело в том, что «изба, и летняя кухня, и сараюшки, и покосившийся плетень, и этот просыпающийся тополь, и все-все, что я видел своими или мамиными глазами, — было моим, было со мной, было частью меня».

Так тройственность героя становится единством. Так литературные реминисценции XX века к финалу возвращаются в век XIX. Гоголевские Филимон Пуплиевич, Тутат-хамон и Алексей Феофилактович (Писемский?), номинально рассыпанные по тексту, уступают место толстовскому Вронскому.

Митя, подобно герою «Анны Карениной», едет добровольцем на Балканы. Русская история делает круг. При этом едет Слезкин следом за первым своим литературным авторитетом Валерием Губкиным, сошедшим со страниц романа В. Слипенчука «Огонь молчания». Там Губкина преследовали серьезные проблемы, но за ним стояла могучая страна и авторитетнейший ее институт в лице Союза писателей.

Когда-то третьекурсник факультета журналистики Губкин, выпускник той же сельской школы, которую окончил и Митя, обсуждал стихи членов школьного литературного кружка и посоветовал Слезкину писать прозу, чем здорово задел его самолюбие. Теперь учитель и ученик по-вронски потеряли «вкус к жизни». А безвкусная жизнь теряет всякую цену.

В этом сходятся два героя с разным жизненным опытом и установками. «Пусты звонницы наших церквей, музейный холодок мертвит наши иконостасы, потому что более всего и всех мертвы мы сами. Тусклость, серость и горечь, да и то какая-то невосмделишная, вот что такое — мы».

К таким грустным умозаключениям приводят 90-е. Для кого-то «святые». Для нас, не потерявших исторической памяти, — лихие. Лихо по-русски — «горе».

Мы всегда относились к литературным героям, как к живым людям, поэтому дай Бог всем героям романа Виктора Слипенчука «Зинзивер» долгой жизни в читательских сердцах!